

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ С РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ

Работа представлена кафедрой гражданского права Владикавказского института управления.

Научный руководитель – доктор политических наук, профессор Б. Г. Койбаев

На современном этапе экстремизм является серьезной угрозой стабильности и безопасности на Северном Кавказе. Наблюдается взаимосвязь между этнотерриториальными конфликтами и экстремизмом. Экстремизм является катализатором этнотерриториальных конфликтов, а также препятствует ликвидации их последствий. Таким образом, экстремизм, терроризм, как и этнотерриториальные конфликты, способствуют дестабилизации обстановки на Северном Кавказе и России в целом.

Ключевые слова: *экстремизм, терроризм, этнотерриториальный конфликт, Северный Кавказ, Россия.*

A. Byazrov

INTERRELATION OF ETHNOTERRITORIAL CONFLICTS IN THE NORTH CAUCASUS AND RELIGIONS POLITICAL EXTREMISM

Nowadays extremism is a serious threat to stability and security in the North Caucasus. There is a connection observed between ethnoterritorial conflicts and extremism. Extremism is an accelerator of ethnoterritorial conflicts, and it also prevents liquidation of their consequences. Thus, extremism and terrorism as well as ethnoterritorial conflicts contribute to destabilisation of the situation in the North Caucasus and Russia in whole.

Key words: *extremism, terrorism, ethnoterritorial conflict, North Caucasus, Russia.*

События на Северном Кавказе показывают, что именно на современном этапе большую угрозу представляет экстремизм. Религиозно-политический экстремизм – это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направлен-

ная на насильственное изменение государственного строя или насильственное отторжение территорий, захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти. Религиоз-

но-политический экстремизм отвергает переговорные, компромиссные, а тем более консенсусные пути решения социально-политических проблем.

Первый и единственный в Российской Федерации актуализированный осетино-ингушский этнотерриториальный конфликт сопровождался взаимными обвинениями сторон в экстремизме, национализме, который также является разновидностью экстремизма. Такие обвинения звучат до сих пор. На сегодняшний день федеральным центром так и не дана правовая оценка событиям осени 1992 г.

Для Северного Кавказа и России в целом серьезную идеологическую и политическую угрозу представляет политизированный исламский фундаментализм в форме ваххабизма, поскольку для достижения своих целей он использует вооруженную борьбу и терроризм. Наибольшее распространение с конца 1980-х гг. ваххабизм получил в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии. При этом вахабиты с целью дестабилизации обстановки на Северном Кавказе используют противоречия, имеющиеся в межнациональных отношениях, а именно этнотерриториальные конфликты.

Отсутствие правовой оценки осетино-ингушского конфликта является, на наш взгляд, проявлением слабости государства и связано с угрозой снижения уровня лояльности и авторитета республик по отношению к Москве. В связи с этим в условиях нестабильности и неустойчивости своих позиций на Северном Кавказе федеральный центр постарался занять максимально нейтральную позицию и воздержался от каких-либо оценок этого конфликта. Вместе с тем такое поведение федерального центра связано с угрозой рецидива подобного явления, а также препятствует выработке единых мер по ликвидации последствий конфликта. Напомним, что последствия осетино-ингушского конфликта по сей день дают о себе знать. Сотни жертв, пропавших без вести, огромный имущественный вред и, конечно же, вынужденные переселенцы, проблема возвращения которых является, на наш взгляд, краеугольным

камнем разногласий сторон этнотерриториального конфликта.

На сегодняшний день уже не вызывает сомнений негативный, разрушительный потенциал заявлений высокопоставленных чиновников, которые выражают территориальные претензии, являющиеся оправданием вооруженному нападению. Как показала практика, в условиях нестабильности и радикализации ислама подобные идеи находят поддержку в рядах экстремистов и террористов. Об этом свидетельствует национальный состав бандформирований, занимающихся похищениями людей, а также совершением терактов. Очевидно, что подобные заявления способствуют разжиганию межнациональной розни.

Призывы к односторонним изменениям границ субъектов, а тем более ультиматумы и угрозы одних народов другим заметно ослабляют государственный фундамент Российской Федерации. Все эти призывы, массовые акции народов, протесты и ультиматумы в специфических условиях нынешнего Северного Кавказа подрывают государственные устои России. Подобные действия, на наш взгляд, вполне соответствуют описанию экстремизма, данного законодателем, так как подрывают основы безопасности в Российской Федерации. Однако уже на протяжении ряда лет восточные административные границы республики и часть Пригородного района рассматриваются как объект открытых территориальных притязаний ингушских экстремистских кругов, считающих эти земли частью «исконных территорий», «колыбелью ингушского народа».

Так, однажды Глава Северной Осетии Таймураз Мамсуров в ходе встречи с представителями СМИ сказал: «В сопредельной республике находятся люди, которым не нравятся мирные процессы в решении конфликта осени 1992 г. Есть политики в парламенте и правительстве Ингушетии, будоражащие граждан Северной Осетии ингушской национальности. Высокопоставленные чиновники бродят по населенным пунктам Пригородного района и призывают людей не обустроиваться в тех местах, которые выде-

лены им руководством Северной Осетии. Считаю, что президенту Ингушетии Мурату Зязикову следует призвать к порядку своих подчиненных» [2]. Наверняка подобное поведение ингушских политиков и интеллектуалов не способствует урегулированию конфликта и ликвидации его последствий, напротив, осложняет межнациональные отношения, развивает противостояние между народами.

Очередная эскалация напряженности в регионе впервые за десять лет вылилась в фактическое противостояние Магаса и Владикавказа. Не так давно парламент Ингушетии отказался принимать закон о муниципальных образованиях, так как это бы означало признание Пригородного района территорией Осетии. Теперь, вслед за предложением ингушского парламента решить поэтапно вопрос о возвращении Пригородного района под юрисдикцию Ингушетии, Мурат Зязиков впервые открыто вмешался в ситуацию, озвучив идею введения в районе внешнего управления.

Реакция Владикавказа была не только жесткой, но и нелюбезной. По словам Таймураза Мамсурова, «власти Ингушетии сделали все, чтобы основательно подготовить население. Я ждал, когда это лицемерие лопнет, и теперь колокол прозвучал – Зязиков вдруг заявил, что он предлагает в Пригородном районе Северной Осетии ввести внешнее управление. А это значит, что они своим экстремистам дали в руки официальные документы, подписанные правительством, парламентом и главой республики» [6]. Присутствие на территории бандформирований уже ни у кого не вызывает сомнений. С этим были связаны и обвинения главы РСО-Алания Мамсурова, в том что руководство республики не может контролировать свою территорию. «Взять хотя бы то, что они отрицали факт нахождения Шамиля Басаева на территории Ингушетии» [6].

На сегодняшний день есть немало сторонников «реванша» за события 1992 г. Именно эти лица развивают противостояние и неприязнь среди народов. Опираясь различными фактами истории, создают в массах

неосведомленных людей ощущение несправедливости. В условиях вооруженности населения Северной Осетии и Ингушетии, а также невозможности решения территориального спора правовыми и политическими средствами подобные призывы могут привести к рецидиву начала 1990-х, т. е. попытке изменения статус-кво силовым способом.

Подобное развитие событий, по-прежнему не стоит исключать. Что подтверждает общая неблагоприятная криминогенная ситуация на Северном Кавказе, особенно в Ингушетии, где террористические акты, подрывы и убийства в последние несколько лет превратились в обыденность.

Спустя много лет после конфликта ситуация на границе двух республик остается напряженной, и выясняется, что усилия, предпринятые федеральным центром для урегулирования кризиса 1992 г., способствовали не столько его разрешению, сколько более или менее глубокой заморозке. После террористической атаки на школу № 1 в североосетинском Беслане стало очевидно, что заморозка эта может и отойти. С осетинской стороны административной границы, до сих пор больше напоминающей линию фронта, возобновились разговоры о создании отрядов самообороны, с ингушской – начались митинги протеста. К счастью, до открытого противостояния дело не дошло. Но и сейчас существуют обстоятельства, которые могут всерьез помешать ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта.

Уже в первый день захвата заложников стало известно, что значительная часть бандитов – выходцы из Ингушетии. Усилия, направленные на ликвидацию последствий осетино-ингушского конфликта, оказались тщетны.

Нормализации отношений не помешали ни многочисленные теракты на рынках во Владикавказе, организованные и проведенные террористами, ни расстрел ингушскими бандитами осетинских милиционеров в 2000 г. на Черменском кругу. Осетинское правительство через прессу, телевидение и в прямых контактах с населением терпеливо и постоянно разъясняло населению, что в проти-

востоянии, недоверии между народами выигрывают только враги. В Осетию стали возвращаться ингушские семьи. В Пригородном районе им выделили плодороднейшие пахотные земли совхоза, которые прежде никогда не отдавали никому. Венера Гацалова, председатель комитета по урегулированию последствий конфликта с осетинской стороны, утверждала: «Наш осетино-ингушский конфликт был уже близок к разрешению. Теперь после беслановской трагедии вряд ли кто даст процессу столь же оптимистичную оценку. Это объективно, потому что забота у властей теперь совсем иная – избежать самого худшего, повторения той давней трагедии, уберечь наиболее горячие головы от стихийных набегов в Пригородный район» [5].

Надо констатировать, последствия теракта негативно отразились на осетино-ингушских отношениях, а также на процессе ликвидации последствий конфликта. В частности, речь идет о возвращении вынужденных переселенцев. Предложенные Козаком меры, направленные на возвращение вынужденных переселенцев, не были приняты экс-президентом РСО – Алания Александром Дзасоховым в связи с негативными настроениями и неприятием населения, которые также были вызваны объективными причинами.

«Кто же стоит за убийствами, подрывами, обстрелами? – задает вопрос политолог Марат Агаев. – Вряд ли руководители Ингушетии готовы признать, что в республике еще с аушевских времен пустила корни идеология ненависти к новой России и поддержки радикального сепаратизма, что теперь, при Зязикове, эта идеология показывает себя в столкновениях с федеральными силами и федеральными проектами, такими как возвращение русских. Ведь тогда нужно будет объяснять, почему происходит эскалация террористических актов» [1]. Конечно, дело вовсе не в этнической принадлежности террористов. Подобное поведение определяется социально-экономическими, политическими факторами: безработицей, высоким уровнем бедности, отсутствием продуманной национальной политики либо ее ошибками. «Провальная социальная политика республикан-

ских ингушских властей, загнанное своими идеологами в тупик ненависти к соседям общество, произвол и непрофессионализм спецслужб, отсутствие “золотого дождя”, подобного тому, что умиротворяет Чечню, плюс спекуляции на проблеме беженцев и трагических событий 1992 г., когда авантюризм тогдашних ингушских лидеров вверг осетин и ингушей в межэтническую войну, – вот та почва, на которой произрастают доморощенные террористы» [1].

Позиция нынешнего президента Республики Ингушетия, Юнус-Бека Евкурова, принципиально отличается: он выступает против экстремистских высказываний. И основной задачей на данный момент считает возвращение вынужденных переселенцев. «Проблема есть, она должна и будет решаться без всяких экстремистских высказываний. Мы будем работать над тем, чтобы вернуть людей домой, чтобы люди жили дружно, обща с осетинским народом» [4], – заявил Юнус-Бек Евкуров. Осенью прошлого года в Северной Осетии также был совершен теракт, жертвами которого стали более десяти человек. Время совершения пришлось на начало исполнения Евкуровым своих обязанностей. «Теракт во Владикавказе является провокацией, совершенной для того, чтобы посорить ингушей и осетин, – об этом заявил президент Ингушетии Юнус-Бек Евкуров. – Смысл этого террористического акта заключается в том, чтобы рассорить всех нас, рассорить ингушей и осетин. Это провокация, направленная на дестабилизацию обстановки в регионе» [4].

Напомним, что подоплекой вторжения боевиков в Дагестан также являлись территориальные споры двух субъектов. Преследовалась цель присоединения к Чечне территорий совместного проживания репрессированных чеченцев-аккинцев и депортированных народов Дагестана (аварцев, даргинцы, лакцев, кумыков, лезгин, ногайцев). То есть была осуществлена попытка насильственного отторжения территории Дагестана.

В августе-сентябре 1999 г. международные вооруженные бандформирования напали на территорию Дагестана с целью насильст-

венного построения единого исламского государства Дагестана и Чечни вне состава России. После их изгнания с территории Дагестана религиозно-политическая обстановка в республике относительно стабилизировалась. Руководители экстремистских группировок скрылись либо на территории Чечни, либо эмигрировали в страны дальнего зарубежья. Ваххабиты сбрили бороды, растворились среди основного населения. 16 сентября 1999 г. Народное собрание РД приняло закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». В соответствии с этим законом на территории Республики Дагестан запрещено создание и функционирование ваххабитских организаций. Запрещена деятельность религиозных миссий, их филиалов, учебных заведений, благотворительных и других фондов, военно-спортивных и других лагерей, отдельных физических лиц, проповедующих идеи ваххабизма или других экстремистских учений. Значительную роль в активизации работы правоохранительных органов по противодействию терроризму и религиозному экстремизму сыграло создание и реализация юридической базы по запрещению деятельности на территории РФ организаций экстремистской направленности в виде Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности».

Главная угроза общественной безопасности РФ со стороны религиозно-политического экстремизма заключается в его стремлении навязать обществу модель «исламского государства» на основе жесткого, вплоть до воору-

женного подавления инакомыслия. Представители ваххабизма отвергают региональную модель ислама, проявляют нетерпимое отношение к неисламским традициям. Главный вызов ваххабизма как формы радикального политизированного ислама лежит не столько в религиозной, сколько в социально-политической плоскости. Ваххабизм на Северном Кавказе обладает определенной мобилизационной идеологией, опирается на поддержку международных исламистских организаций и других внешних сил, которые предоставляют им немалую финансовую, материальную, кадровую и пропагандистскую помощь [3].

Таким образом, экстремизм, терроризм и этнотерриториальные конфликты взаимосвязаны. Этнотерриториальные конфликты, развивая противостояние между народами, являются благоприятной почвой для терроризма, экстремизма и, как следствие, дестабилизации обстановки на Северном Кавказе и России в целом. Подобные негативные явления являются катализатором конфликтов, препятствуют ликвидации их последствий. Этнотерриториальные конфликты являются причиной вооруженных столкновений, этнорелигиозной преступности, основанием для насильственных попыток отторжения тех или иных территорий (например, вооруженное нападение экстремистов на Пригородный район и попытка его отторжения в 1992 г.). Они неблагоприятно отражаются на межнациональных отношениях, развивая этнофобии. Как показала практика, подобные фобии определяют в среде экстремистов направленность (жертву, объект) преступности, террористических атак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаев М. А. Странная война. История самая популярная наука в Ингушетии. URL: <http://kvkz.ru/stati/02.11.07>
2. Глава Северной Осетии. Высокопоставленные чиновники Ингушетии бродят по Пригородному району и будоражат граждан. URL: <http://www.regnum.ru/news/674123.html> 15.07.06.
3. Залимханов З. М., Ханбабаев К. М. Политизация ислама на Северном Кавказе (на примере Дагестана и Чечни). Махачкала, 2000; Арухов З. С. Характер и формы внешнего влияния на исламский радикализм в Дагестане // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень Комитета Правительства РД по делам религий. 2002. № 1. С. 61–78.
4. Комсомольская правда. 2008. 10 ноября.
5. Российская газета 2004. 9 октября
6. Фатуллаев. М. А. Из Козака не вышло миротворца // Независимая газета. 2006. 8 августа.

REFERENCES

1. *Agayev M. A.* Strannaya voyna. Istoriya samaya populyarnaya nauka v Ingushetii. URL: <http://kvkz.ru/stati/02.11.07>
2. *Glava Severnoy Osetii.* Vysokopostavlenkiye chinovniki Ingushetii brodyat po Prigorodnomu rayonu i budorazhat grazhdan. URL: [//www.regnum.ru/news/674123.html](http://www.regnum.ru/news/674123.html) 15.07.06.
3. *Zalimkhanov Z. M., Khanbabayev K. M.* Politizatsiya islama na Severnom Kavkaze (na primere Dagestana i Chechni). Makhachkala, 2000; *Arukhov Z. S.* Kharakter i formy vneshnego vliyaniya na islamskiy radikalizm v Dagestane // Gosudarstvo i religiya v Dagestane. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' Komiteta Pravitel'stva RD po delam religiy. 2002. N 1. S. 61–78.
4. Komsomol'skaya pravda. 2008. 10 noyabrya.
5. Rossiyskaya gazeta 2004. 9 oktyabrya
6. *Fatullayev. M. A.* Iz Kozaka ne vyshlo mirotvortsya // Nezavisimaya gazeta. 2006. 8 avgusta.